

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ “МИРНОЕ”

Погребения поздних кочевников в сравнении с погребениями других археологических культур левобережной степной полосы Нижнего Поднепровья хотя и составляют далеко не самую многочисленную группу, тем не менее, и они представляют собой довольно внушительный пласт культурного наследия древних. При этом среди обнаруженных материалов оказалось немало таких, которые осветили средневековых кочевников с самой неожиданной стороны. Например, можно упомянуть находку в погребении у с.Кирово струнно-смычкового инструмента, не имеющего аналогов не только среди музыкальных реалий, но и в качестве изображений на памятниках искусства и ремесленного производства. Исключительно важным комплексом для осмысления позднекочевнической культуры является и погребение, раскопанное одной из крупнейших в истории украинской археологии Краснознаменной экспедицией (начальник Г.Л.Евдокимов)¹ в зоне орошения земель у с.Мирное Цюрупинского р-на Херсонской обл. (рис.1). По-своему интересно и второе публикуемое погребение из другого кургана этого же могильника, практически синхронное первому².

Курганная группа располагалась в равнинной местности, представляя собой цепочку, вытянутую на 3 км с северо-востока на юго-запад, в 1 км к северо-западу от с.Мирное. В группе – 11 курганов, 8 из которых подверглись раскопкам. Все насыпи за исключением двух (2 и 11) распахивались (рис.2).

Курган 2, погребение 4

Курган 2 находился в восточной части могильника, замыкая его вместе с курганами 1 и 4 (рис.2). Курган круглой в плане формы, его высо-

та – 2,5 м, диаметр – 32,5 м. Насыпь сложена из дерновых вальков и уплощена по периметру клиновидной в сечении крепидой из материковой глины, охватывающей курган своеобразной лентой. Диаметр крепиды – 23 м, ширина ленты крепиды – до 2,5 м, толщина – до 0,5 м. В западной части кургана, за крепидой, были выявлены остатки ритуальной площадки с тризной – амфорным боем и костями животных, относящейся к скифскому времени. В кургане обнаружено 5 погребений: 4 скифских и 1 половецкое. К половецкому погребению 4 относится кольцевой ровик неправильной округлой формы, выкопанный в скифской насыпи, диаметром 19 м, шириной до 1,5 м и глубиной до 1,1 м³ (рис.3, 1).

Погребение 4 впущено в центр кургана (рис.3). Подпрямоугольная в плане входная яма размерами 3,0×1,5 м с небольшим отклонением ориентирована по линии запад-восток (рис.4, 1). На глубине 3,9 м вдоль северной стенки находилась ступенька шириной 0,4 м и высотой 0,9 м. На ступеньке и в заполнении входной ямы лежал слой (толщиной 0,6-0,9 м) ивовых прутьев с листьями⁴. Там же находился целый остов коня, ориентированный головой на запад, с подогнутыми передними и полусогнутой левой задней ногой; положение правой задней конечности на чертеже не видно. Вход в подбой, расположенный под южной стенкой колодца, был закрыт разобранной двухколесной арбой (рис.4, 1, 3). Подбой неправильной пятиугольной в плане формы, размерами примерно 3,30×1,55 м был несколько смещен к западу от входной ямы. Максимальная высота свода – 1,2 м, дно находилось на глубине 4,8 м от репера, на 0,9 м ниже ступеньки. В тексте отчета сказано, что на дне подбоя стояло деревянное гробовище⁵, стенки которого сбиты из тонких узких досок шириной 0,2 м. Днище (по тексту отчета) комбинированное:

¹ Открытый лист на раскопки могильника был выдан на имя Г.Л.Евдокимова, а непосредственное руководство курганами 2 и 3 осуществлял Н.А.Рычков (Евдокимов Г.Л. и др., 1993).

² Авторы публикации благодарят А.В.Евлевского за всестороннюю помощь в анализе памятника и возможность воспользоваться его личным архивом.

³ Здесь и далее глубины даны от репера.

⁴ Так указано в отчете, хотя не истлевшие за века листья не могут не настораживать.

⁵ Конструкция гробовища вызывает целый ряд сомнений, но проверить информацию авторов отчета уже невозможно, поскольку ни фото, ни чертежа гробовища не существует.

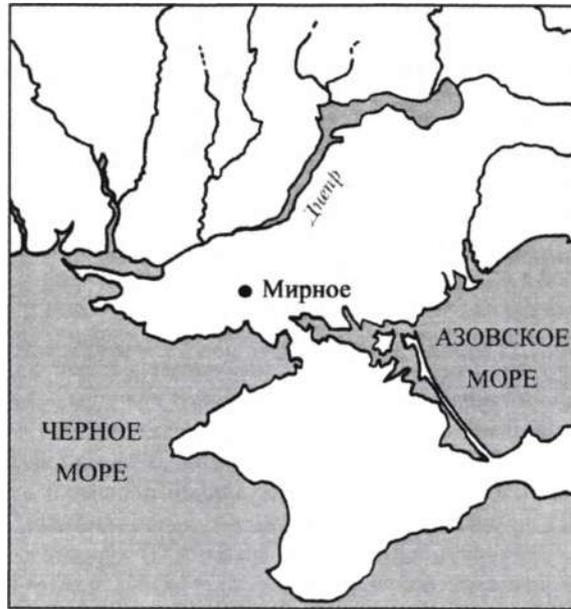

Рис. 1. Карта-схема местоположения курганной группы "Мирное".

Fig. 1. The map-scheme of the "Mirnoie" barrow group location

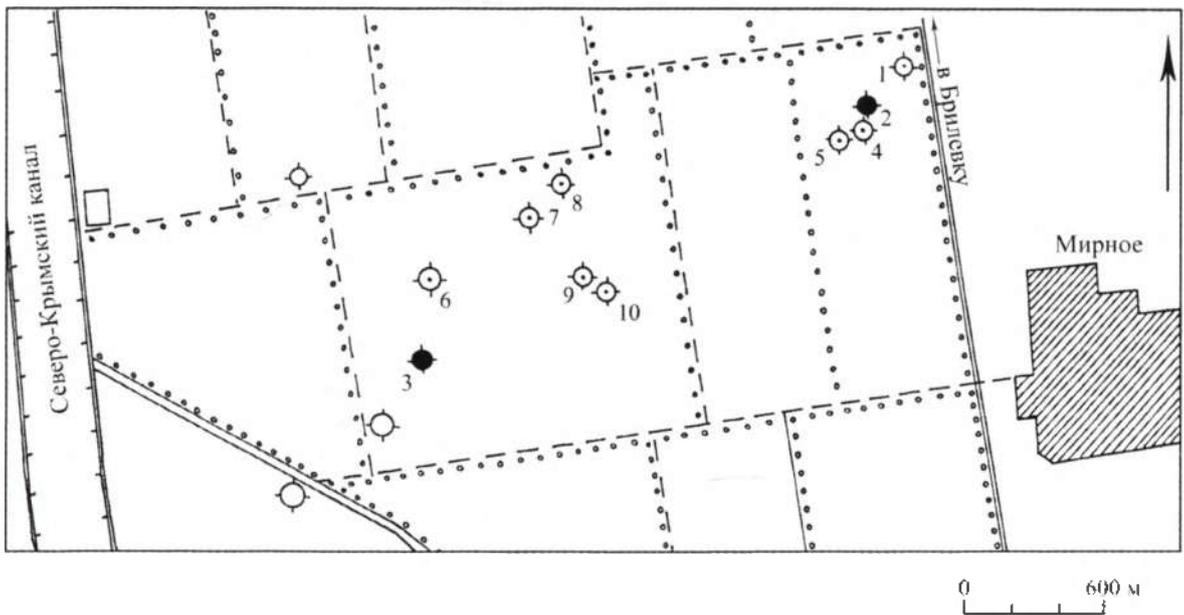

Рис. 2*. Схема расположения курганов в могильнике у с.Мирное.

Fig. 2. The scheme of arrangement of barrows near Mirnoie village

* Все иллюстрации, начиная с рис.2, выполнены сотрудниками экспедиции и Института археологии АН Украины. Авторами статьи на рисунках улучшены только условные обозначения.

верхняя часть — продольные плашки, нижняя — поперечные. По этому описанию конструкции в отчете не понятно, было ли днище гробовища дном повозки или это было специально сколоченное гробовище. На чертеже разреза погребения (рис. 4, 3) авторы раскопок изобразили схему гробовища с вертикальными стенками, хотя в тексте отчета о нюансах последних не сказано. Гробовище накрыто крышкой, сбитой из тонких продольных досок, подогнанных вплотную друг к другу. В тексте отчета указано: длина гробовища — 2,2 м, ширина верхней части — 1,0 м, нижней — 0,9 м, высота — 0,25 м. Оговоримся, что под “верхней” и “нижней” частями гробовища, авторы отчета, очевидно, понимали “в головах” и “в ногах”, соответственно, но не исключено, что имелись в виду крышка и днище гробовища.

Скелет погребенного сильно потревожен лисой, нора которой была устроена в гробовище. Судя по расположению находившихся практически *in situ* черепа, правой руки и отдельных костей грудной клетки, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад (рис. 4, 1). Справа и слева от черепа выявлены, как пишут авторы отчета, височные подвески (?), а на пальце правой руки — перстень. В восточной части гробовища (в ногах) обнаружены нож, зеркало, пряслице, две ворварки и бусина. Между торцевой восточной стенкой гробовища и стенкой подбоя стояли горшок и котел. Здесь же находились остатки конской узды с украшениями, кожаные сапоги, фрагменты обкладок седла, наверхние плети и стремя (авторы пишут о стремянах, но ни в описании инвентаря, ни в альбоме отчета второго стремени мы не нашли).

Арба

Разобранная арба состояла из решетчатого кузова, днища, колес и тягла (рис. 4, 4). В отчете сказано, что днище и стенки (последние на рисунке не показаны) арбы состояли из двух продольных лаг с закрепленными на них поперечными планками. Длина стенок — 2,2 м, высота — 1,1 м. Колеса были сняты и уложены отдельно одно на другом (рис. 4, 4). Обод колес многочастный, состоял из изогнутых деревянных стержней подпрямоугольного сечения, соединенных между собой в паз. Втулка колеса мощная, катушковидной формы с центральным отверстием для оси и пазами для деревянных спиц (рис. 5-7). Диаметр колес — 85-90 см. Длина втулки — 40 см, ее диаметр — 20 см. Длина спиц — 35-40 см, толщина — 3 см. Ширина обода — 5 см, толщина — 4,5-5 см (рис. 5, 5а). В альбоме отчета на рисунке разобранной арбы художник показал тягло, но в тексте отчета о нем не упомина-

ется. Описывать же его по рисунку практически невозможно. Видно лишь, что тягло оканчивается округлым утолщением.

Непонятно, почему авторы раскопок пишут, что днище арбы было использовано в качестве гробовища (рис. 4, 4). Ведь при описании погребения они указывали, что арба закрывала вход в камеру. Может быть, в погребении использовано два днища арбы?!

Для определения породы древесины арбы А.В.Евглевский передал в лабораторию естественно-научных методов Института археологии РАН (Москва) 6 образцов, взятых от разных конструктивных деталей. Вопросы идентификации деталей тех или иных конструктивных частей арбы мы сейчас касаться не будем. Л.Н.Соловьева, исследовавшая древесину, провела (29.05.08) следующие операции. Для каждого из образцов изготавливалось по три среза в поперечном, радиальном и тангенциальном направлениях. Все образцы из-за хрупкости древесины с целью выявления характерных признаков породы потребовали вымачивания в полиэтиленгликоле в течение двух суток. Изучение строения образцов древесины осуществлялось по подготовленным срезам при помощи бинокулярного микроскопа. Получены такие результаты:

1. Образцы 1-5 принадлежат к породе *Ulmus L.* (вяз). Древесина вяза умеренно легкая, усыхающая, прочная и мягкая.

2. Образец 6 принадлежит к породе *Quercus R.* (дуб). Это ядровая порода. Из дуба, как известно, изготавливали детали, требующие особой прочности. Древесина дуба тяжелая, прочная и твердая, умеренно усыхающая и вязкая.

Теме повозок, колесниц и подобных им транспортным средствам в археологии посвящена обширная литература, однако позднекочевнический материал опубликован не столь представительно. Объясняется это тем, что колесного транспорта в памятниках средневековых кочевников обнаружено не так уж и много, да и сохранность значительной их части оставляет желать лучшего. Поэтому публикация данной относительно хорошо сохранившейся (хотя и разобранной) арбы представляет несомненный интерес.

Г.А.Федоров-Давыдов отмечал 6 погребений с повозками (арбами) или их частями. Четыре из них он датировал золотоордынским временем, а две отнесены к широкому хронологическому отрезку — XI-XIII вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.131). С тех пор количество таких находок ощутимо увеличилось, но не на столько, как это можно было ожидать после крупномасштабных раскопок в степной зоне Восточной Европы в 70-80 гг XX в. В 2003 г В.Н.Шалобудов и П.П.Лесничий за счет та-

кого расширения материала составили список арб и их частей, куда вошло 16 находок (Шалобудов В.Н., Лесничий П.П., 2003, с.202-203), правда, они собрали информацию лишь с территории, ограниченной бассейном Нижнего Днепра. Авторы пишут, что “устойчивость захоронений половцев в кузовах-«решетчатых гробах» подтверждается и тем, что в отдельных случаях при отсутствии реального кузова, в могилу помещалась его имитация из отдельно лежащих под скелетом поперечных плашек” (Шалобудов В.Н., Лесничий П.П., 2003, с.201). Безусловно, этот материал еще ждет своих исследователей.

Описание и анализ инвентаря

Поскольку в комплексе захоронен конь, то описание инвентаря логично начать с предметов конского снаряжения, но наибольшее внимание в этом разделе уделим горшку и котлу – категориям вещей, относительно хорошо изученных и дающих определенное представление о социальном статусе умершего и хронологии памятника.

Удила. Сохранилось лишь одно звено удила с деформированным трензельным кольцом диаметром 4,0-4,3 см. Сечение грызла круглое диаметром 0,9 см, кольца – овальное (0,9x0,7 см) (рис.8, 2). Данные удила, по типологии Г.А.Федорова-Давыдова, скорее всего, относятся к одному из наиболее распространенных в кочевой Степи типу Г-IV (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.18). Если это так, то характерной особенностью этих удила являются расплюснутые в пластину и свернутые концы стержня (грызла). Трензельные кольца в таких своеобразных обручах плотно зажаты и неподвижны. На основании таблиц взаимовстречаемости вещей, составленных этим же автором, такие удила датируются преимущественно золотоордынским временем (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.98-99), но, возможно, бытовали и в дозолотоордынский период.

Стремя. От него сохранились лишь фрагменты дуги и подножки (рис.9, 1). Реконструкция на этом рисунке неудачна и не может являться основанием для какого-либо заключения. Лишь только довольно узкая подножка (с учетом обломанной части – около 5 см) свидетельствует о широком хронологическом диапазоне бытования такого стремени.

Пряжки подпружные (плохой сохранности) железные с подвижными язычками (3 экз.), Ø – 4,7 и 4,5 см (рис.8, 1, 5). В отчете экспедиции указывается еще и лировидная пряжка, но среди рисунков мы ее не обнаружили. Очевидно, что за такую авторами принята одна из описанных выше круглых пряжек.

Кольца железные, вероятно, подпружные, размеры: 3,7x4,4 и 3,8x3,7 см (рис.8, 3, 4).

Украшения конской узды (?) серебряные (?) очень плохой сохранности. Диаметр круглого украшения – 4,1 см; размеры второго украшения – 4,5x2,2 см (рис.10, 2, 3).

Наносник для коня. Сохранилась деревянная основа ромбической формы с остатками серебряной (?) фольги и гвоздиками (рис.8, 8). Это исключительно редкая находка. К сожалению, отсутствие подробного описания в тексте отчета не позволяет углубиться в анализ этой вещи.

Фалары (2 экз.) довольно редкая находка в позднекочевнических погребениях. По публикациям известно не более десятка; преимущественно встречаются в погребениях раннезолотоордынского времени. В тексте отчета они значатся как височные подвески и описываются так: “в виде выпуклого круглого щита с рельефными косыми каннелюрами”. Указано, что подвески полые, изготовлены из тонкого серебряного листа с позолотой на деревянной основе, диаметром 4 см (рис.11, 1).

Накладки костяные от седла. Сохранились фрагменты в виде тонких пластин прямоугольной формы с резным орнаментом и железными гвоздиками. По данным фрагментам судить о типе седла невозможно. Что касается циркульного орнамента, нанесенного на некоторые из них, то это излюбленный прием кочевников украшать костяные изделия конского и воинского снаряжения (рис.11, 2, 3, 4).

Ворварки костяные усеченно-конической формы (2 экз.) с пятью блоками насечек по три черточки в каждом, нанесенных от оснований вверх; Ø – 2 см, Н – 0,5 см (рис.11, 6, 7). Костяные ворварки, вообще, и этой разновидности, в частности, нередко встречаются в погребениях кочевников XII-XIII веков. Находят их преимущественно в погребениях с конем и оружием, а потому это, как правило, мужские комплексы.

Ворварка (?) дисковидная из красного шифера; Ø – 1,5 см, Н – 0,7 см, Ø отверстия – 0,5 см (рис.11, 9).

Навершие плети (по-казахски – ұзым камши, камша; у казанских и уральских татар – камчук, канчук) – костяная бочонковидная рукоятка с боковым выступом с ложбинкой у основания. Именно этой деталью они отличаются от “наверший плетей” с плавно изогнутым клювовидным выступом. На верхней части закреплено железное кольцо для подвешивания. Внутри навершие полое, с остатками железа и дерева. Высота навершия – 4 см, Ø отверстия – 1,1 см (рис.12, 1). Данный тип в памятниках поздних кочевников наиболее массовый, превышающий по количеству находок все другие типы вместе взятые. Г.А.Федоров-Давыдов

и А.Н.Кирпичников указывают, что они часто встречаются в древнерусских памятниках (Новгород, Рязань, Саркел – Белая Вежа и др.) IX–XIII вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.22; Кирпичников А.Н., 1973, с.74). Очевидно, у кочевников их было не меньше, чем в Древней Руси, но датируются они в памятниках кочевников несколько позже, XII–I-й пол.XIV века. Если в дальнейшем будет подтверждена такая относительная хронология, то тогда можно будет говорить о “перекочевке” и этого, на первый взгляд, традиционного скотоводческого атрибута, из Древней Руси к кочевникам. Во всяком случае, в азиатских степях подобных костяных наконечников или их заготовок нам не известно. Зато их производство на Руси хорошо доказывается находками костяных заготовок, например, из Воинской Гребли и Звенигорода (Кирпичников А.Н., 1973, с.74).

Заклепка (?) круглая, Ø – 2 см (рис.8, 7). Сказать по этой вещи что-то определенное затруднительно.

Сапоги кожаные, сохранившиеся фрагменты имеют фигурное тиснение (рис.11, 5).

Перстень (?) или пряжка. В отчете указывается, что сохранился серебряный (?) щиток овальной формы со стеклянной вставкой (рис.8, б). На рисунке (если это, конечно, рисунок перстня, что очень сомнительно) вставка не показана, поэтому остается довериться тексту отчета. К щитку снизу прикипела разомкнутая, прямоугольная в сечении рамка (скоба). Размеры: 2,4×2 см.

Застежка-пуговица бронзовая с ушком. Размеры: 0,8×0,55 см (рис.11, 8). Данный тип застежки для позднекочевнических погребений и прилегающих к Степи оседлых культур обычная вещь, а потому сказать о ней что-либо определенное с точки зрения хронологии и культурных традиций затруднительно. В отчете указана не одна застежка, а “пуговицы-бубенчики”, т.е. во множественном числе, но в таблицах рисунков есть только один экземпляр.

Зеркало литое бронзовое дисковидное с крестообразным рельефом и петелькой в центре; диаметр зеркала – 7,7 см (рис.12, 3а, б). Сочетание внешних признаков – крестовидного орнамента и небольшого диаметра диска – дает гораздо более широкую дату, чем любой другой тип зеркал, встречающийся в материалах поздних кочевников, Золотой Орды и других культур Развитого Средневековья степной полосы Восточной Европы, – от XI–XII вв. (Змейский катакомбный могильник) до XIV в. (Сарай-ал Джедид) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.79, рис.13). Впрочем, статистика свидетельствует, что у поздних кочевников такие зеркала, как правило, встречаются в погребениях XIII в., что полностью согласуется с общей датировкой инвентаря погребения из Мирного.

Браслет бронзовый с несомкнутыми концами, изготовленный из круглой в сечении проволоки. Концы браслета расклепаны в сердцевидную форму. Диаметр браслета в тексте отчета – 8 см, на схеме рисунка – 6 см, а по масштабу – 5,6 см (рис.12, 2). Г.А.Федоров-Давыдов упоминает о 4 экз., судя по описанию (иллюстрации браслетов в книге не приводятся, не перечисляются и названия памятников), близких браслету из Мирного (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.41). Исследователь указывает, что этот тип распространен весьма широко и территориально, и хронологически, однако, пока, аналогии экземпляру из Мирного нам не известны.

Нож боевой железный в деревянных ножнах, сохранился во фрагментах. Рукоятка костяная, верхушку которой венчает овальное бронзовое навершие, закрепленное бронзовой скобой с петелькой для подвешивания. Длина перекрестия ножа равна длине бронзовой обоймы. Примерно такая же обойма находилась на окончании ножен. Лезвие с широким обушком, удлинненно-треугольное. Длина ножа, судя по представленному рисунку и масштабу, в ножнах – 26,2 см (?), длина клинка – 14,4 (?) см, длина рукоятки – 11,7 (?) см, ширина у основания – 2,5 см (рис.10, 1а-з). Такой тип ножа – исключительно редкая находка, особенно если учесть, что он обнаружен в женском погребении. До сих пор нам не известны какие-либо обобщения этой категории оружия средневековых кочевников, а потому делать определенные выводы о тенденциях их распространения у кочевников затруднительно.

Пряслице керамическое плоское овальной в плане формы, изготовлено из стенки гончарного сосуда, возможно, корчаги. Размеры: 4×3 см (рис.11, 10). Эта довольно распространенная бытовая вещь, которая встречается в широком хронологическом диапазоне: в Средневековье – от VIII в. (салтово-маяцкая культура) до XIV в. (Золотая Орда). Одно из наиболее поздних пряслиц золотоордынского времени обнаружено в грунтовом могильнике Ляпинская балка в Северо-Восточном Приазовье, датирующемся последней четвертью XIV в. (Евлевский А.В., Кульбака В.К., 2003, с.383, 394).

Казан бронзовый (или медный) цилиндрической формы с выпуклым дном. Изготовлен из двух листов, соединенных с помощью проковки. Венчик котла отогнут наружу и загнут в два слоя под прямым углом. На верхней части тулова закреплена подвижная ручка-дужка (рис.9, 2, 3), прямоугольная в сечении (рис.9, 3). Высота казана – 14 см, Ø венчика – 29 см (рис.9, 2).

По первой и единственной типологии казанов поздних кочевников, предложенной еще 30 лет на-

зад М.Л.Швецовым, наш казан относится к I типу, 2 подтипу (Швецов М.Л., 1980, с.194, рис.2, 4). Этот подтип исследователь охарактеризовал следующим образом: изготовление из двух листов металла, соединенных между собой простым прокованным швом с расширяющимися (рис.9, 2) (на другом рисунке с сужающимися) (рис.9, 2a) кверху стенками, отогнутый венчик и слегка выпуклое дно.

Казаны различных типов, по мнению М.Л.Швецова, изготавливались кочевниками непосредственно в Степи. Исследователь приводит три аргумента: 1) “казаны отсутствуют в материалах раскопок памятников оседлых народов, примыкавших к кочевой степи”; 2) “находки близких и аналогичных сосудов в более раннюю эпоху могут говорить о преемственности позднечувствительных казанов от более ранних”; 3) “распространение на территории, которая постоянно находилась под властью кочевников и даже была центром полувещных группировок” (Швецов М.Л., 1980, с.198). Все приведенные аргументы, конечно же, имеют вес, но два первых больше косвенные, поскольку углубленный анализ по указанным аспектам никем не проводился. Но, главное, исследователем не приведены факты о местах производства казанов, а это перевесило бы любое количество догадок, включая те, которые основаны на письменных источниках.

Горшок гончарный древнерусского облика. Размеры сосуда: Н – 17 см, Ø венчика – 14 см, Ø тулова – 15,5 см, Ø дна – 8 см. У сосуда короткий, отогнутый наружу венчик с утолщенным округлым краем. Резко изогнутая шейка мягко переходит в слегка выпуклые высокие щеки, орнаментированные 5-6 рядами врезных горизонтальных линий. Тулово конусовидно сужается ко дну. На днище нанесено рельефное клеймо в виде треугольника (рис.11, 11). Такого знака среди памятников с керамикой древнерусского облика нам обнаружить не удалось, что стало неожиданностью, поскольку форма данного клейма довольно проста. Впрочем, широкомасштабные поиски мы не осуществляли, но обратились лишь к наиболее крупным, хорошо известным памятникам. Удивление вызвало лишь отсутствие такого клейма среди материалов древнерусского города Донец, где клейма обнаружены в большом количестве от самых простых кружков и крестиков до исключительно сложных композиций.

Сосуд по формообразующим признакам можно однозначно отнести к типу III кухонных горшков древнерусского облика, обнаруженных в погребениях поздних кочевников, по типологии А.В.Евглевского и Т.М.Потемкиной (1994, с.80). К этому типу исследователи отнесли 1 сосуд из Приволья (к.6, п.1) (в основу типологии положены моделировка венчика, пропорции, размеры и другие

признаки). В типологии этих авторов суммированы внешние формообразующие признаки горшков, в большей степени являющиеся формальными. Профиль венчика, параметры и пропорции горшков, тщательно описанные в их статье, лишь ориентируют нас на древнерусскую традицию, но далеко не всегда такая типология может дать ответ о локальных истоках того или иного типа. Из всего разнообразия традиционных подходов (отбора признаков) исследователями использована наиболее распространенная (универсальная модель). Но на сегодняшний день такая схема анализа уже не может удовлетворять тем современным исследовательским задачам, которые ориентированы на уточнение и сужение территориальных и хронологических рамок керамических серий.

В литературе есть немало примеров, когда одни и те же типологические черты у горшков, включая и моделировку венчика, зафиксированы как в памятниках дозолотоордынского, так и ордынского времени. Это объясняется тем, что трансформация культуры или период смены культурных ориентиров совсем не обязательно приводят к полной замене местных ремесленных традиций, если, конечно же, последние не оказались полностью уничтожены военно-политическими катаклизмами. Данные размышления в полной мере касаются и датировки кухонных горшков древнерусского облика, особенно интересующего нас III типа, безусловно, являющегося одним из наиболее характерных типов XII-XIII вв. на юго-востоке Древней Руси (Тропин Н.А., 2006, с.129).

Чтобы установить место изготовления горшка более определенно, необходимо учитывать и другие, кажущиеся, на первый взгляд, несущественными признаки. Как свидетельствуют исследования специалистов по керамике, некоторые из этих “второстепенных” признаков являются несравненно более значимыми, чем формальные легко уловимые внешние показатели. Речь идет о признаках или блоках признаков, характеризующих технологию изготовления, особенности глины, обработку поверхностей сосуда (полировку, рифление, характер нанесения орнамента), обжиг и другое. Вот только изучение большинства этих показателей крайне затруднено ввиду того, что в текстах полевых отчетов подобная информация нередко отсутствует или имеется частично.

Конечно, выборка горшков из кочевнических погребений, обработанная А.В.Евглевским и Т.М.Потемкиной, собранная с территорий, примыкавших к юго-восточным древнерусским княжествам, в значительной степени подсказывает нам истоки тех или иных типологических традиций (понятно, что гончарная тонкостенная керамика не может “уходить” на сверхдальние расстояния), но,

тем не менее, любая версия будет всего лишь косвенным аргументом. Нужны факты существования гончарных мастерских, где были бы обнаружены остатки производства интересующих нас типов горшков, но в районах, подконтрольных кочевникам, они пока не обнаружены. Такое производство, очевидно, было исключительно на территории Руси.

Как свидетельство существования обозначенной проблемы, может выступать карта распространения горшков древнерусского облика, происходящих из кочевнических погребений, опубликованная А.В.Евглевским и Т.М.Потемкиной. На карте видно, что Приволье, в котором обнаружен сосуд III типа (к.6; п.1), находится на огромном удалении от с.Мирного. Так что схожесть двух сравниваемых горшков лишь внешняя, не гарантирующая единого места производства или производственных традиций.

Погребальный обряд

Комплекс, вне всяких сомнений, представляет собой значительный интерес как важный источник для исследования многих сторон культуры поздних кочевников, в том числе с точки зрения взаимовстречаемости вещей. Много вопросов возникает и относительно характера устройства погребения. В блок визуально определяемых обрядовых черт, позволяющих пролить свет как на эти вопросы, так и на место нашего комплекса в позднекочевнической культуре, прежде всего, входят ровик, конфигурация могильной ямы, характер укладки коня и арба. Приходится только сожалеть, что эти и многие другие важные признаки памятника авторами раскопок то ли совсем не описаны, то ли о них сказано очень поверхностно. Довольно качественно показанные чертежником разрезы бровок, возможно, оказались бы еще более информативны, если бы были сделаны еще два недостающих рисунка сторон бровок – северной стороны северной бровки и южной стороны южной бровки. Во всяком случае, методика раскопок курганов требует таких чертежей, особенно в случаях, когда памятник достаточно сложно стратиграфически устроен.

Ровик выкопан в насыпи скифского кургана устроителями погребальной обрядности, скорее всего, после впуска в курган умершего. Об этом, хотя и косвенно, свидетельствует отсутствие в нем разрывов. В противном случае ровик в значительной степени затруднял бы проведение погребальной процедуры, тем более, что ширина его достигала 1,5 м, а глубина – 1,1 м. О том же говорит и его нечеткая конфигурация, хотя и приближающаяся к окружности. В курганах с основными позднекочевниче-

скими погребениями ровики, как правило, круглые или приближенные к круглым. Несмотря на то, что ровик выкопан в насыпи, вряд ли авторы раскопок могли не заметить разрывы, поскольку ровик удачно для археологов попал на глиняную крепиду скифского кургана, сложенную из материкового грунта, а значит и читаться он должен был хорошо.

Ровики как составная часть погребального обряда поздних кочевников – распространенная черта, однако из-за впуска их в насыпи более ранних курганов археологи в условиях форсированных работ могли и не замечать многие из них. Другая возможная причина отсутствия фиксации их на некоторых полевых чертежах отчетов экспедиций объясняется нередким выбором поздними кочевниками невысоких древних курганов для впуска в них своих погребений. За века такие курганы, в первую очередь, были подвержены негативным природным и антропогенным воздействиям. Все выше сказанное означает, что реальная статистика ровиков непреднамеренно и, как нам кажется, ощутимо занижена.

Ориентировка умершей на запад – наиболее массовое направление погребенных в памятниках поздних кочевников. Осмысливать этот признак в отдельности от остальных показателей погребального обряда нет никакого резона, даже учитывая многочисленные на этот счет выводы коллег, а исследовать все признаки погребального обряда в комплексе – задача весьма трудоемкая, требующая сопоставления многих точек зрения и анализа обработанной (опубликованной) статистики. Надеемся, что такой анализ будет сделан кем-то из коллег в ближайшей перспективе. Другое дело, если бы нам пришлось столкнуться с уникальными или хотя бы нетипичными явлениями, как, например, это имело место в невыразительном, на первый взгляд, комплексе “Токовские Могилы”. Рассматривая ориентировку умершего из погребения, авторы писали, что “продуктивный анализ по этому обрядовому признаку можно сделать только в комплексе с остальными показателями положения человека в погребении, но даже в этом случае такая характеристика обряда в полной мере «заговорит» лишь в совокупности с памятниками близкого круга, т.е. на массовом материале” (Евглевский А.В. и др., 2008, с.210). Вряд ли к этому надо что-то добавлять, тем более, что в погребении из Мирного мы имеем дело с сильным разрушением костяка.

Датировка, социальный статус и этническая привязка

Впускной характер погребения, как известно, больше говорит о дозолотоордынском време-

ни, однако это лишь косвенный аргумент. Ввиду бытования ряда вещей и в ордынское время отдать предпочтение тому или иному периоду в рамках такой пограничной даты не просто, но мы все же склоняемся к раннезолотоордынскому времени, т.е. к середине – 2-й пол. XIII века. Основными аргументами для такой относительно узкой даты являются: 1) сочетание в одном комплексе подбоя и перекрытия его арбой; 2) укладка основной массы вещей (включая конскую узду) в ногах умершего; 3) дощатое гробовище; 4) украшения конской узды (фалары). Все эти черты погребального обряда, инвентаря и их сочетания характерны преимущественно для раннезолотоордынского времени.

От определения социального статуса и этнической привязки мы воздержимся, поскольку едва ли не все признаки погребального обряда, а также инвентарь п.4 изучены еще в недостаточной степени, да и в задачи данной работы такой анализ не входил. Для первой публикации памятника гораздо важнее разобраться с исключительно скудным и во многих случаях противоречивым описанием авторами раскопок планиграфии и стратиграфии комплекса, а также состава и особенностей вещевого материала. Добавим к этому многие неверные определения вещей и даже полное отсутствие в тексте отчета описания некоторых важных составляющих памятника. Чего только стоит “пропуск” (неупоминание) наличия в комплексе коня, хотя характер его укладки (ориентировка, место и способ захоронения, расположение элементов конской сбруи и др.) дает важнейшую информацию для воссоздания общего облика памятника.

Курган 3, погребение 1

Курган 3 распахивался. Насыпь имеет форму овала 32,5x28 м, вытянутого по линии С-Ю (рис.13). Высота кургана – 1,3 м (рис.13, 2, 3). В северо-западной части кургана на расстоянии 14 м от центра на глубине 1,2 м было обнаружено овальное пятно золы серого цвета, очевидно, скифского времени. В кургане выявлено 2 погребения: основное скифское и впускное позднекочевническое.

Описание погребения

Погребение 1 впущено в 3,5 м к юго-востоку от центра в слой выкида из центрального скифского погребения на глубину 1,0 м. Совершенно в узкой прямоугольной яме (2,0x0,8 м), ориентированной с юго-запада на северо-восток. Северо-восточная торцевая часть ямы была уничтожена большой но-

рой. В заполнении ямы в перемешанном состоянии обнаружены кости ног, зубы лошади и фрагменты стремени. На дне ямы на решетчатом настиле из поперечно расположенных плах находился скелет взрослого человека в вытянутом положении на спине головой на ЮЗЗ лицом на СВВ. Кости ног ниже колен отсутствовали, поскольку здесь проходила нора. Руки умершего вытянуты вдоль тела. Слева вдоль туловища, поверх костей левой руки лежала сабля (рис.14, 1, 2). К сожалению, у нас отсутствует информация о местоположении остальных вещей в могиле, кроме неподписанных цифр на плане погребения.

Описание инвентаря

Стремена (2 экз.) сохранились во фрагментах, поэтому о них можно судить лишь по отдельным деталям одного из них. Петля стремени горизонтально вытянута, основание петли параллельно горизонтальной вершине (рис.14, 9, 14). На рисунках сечение дужек на примерно одних и тех же участках разных фрагментов стремян показано по-разному: круглое, овальное, подквадратное, подпрямоугольное, что почти исключено или, по крайней мере, не может не настораживать. Следовательно, в полной мере доверять таким зарисовкам нельзя. В связи с коррозией железа художнику следовало быть крайне осторожным, поскольку в условиях фрагментарности стремян форма сечения может сузить их хронологический диапазон, а значит, и датировку всего комплекса. Ширина подножек – 4 и 4,2 см. Если приложить наиболее крупные фрагменты друг к другу, т.е. верхнюю часть дужки с петлей для путалища и нижнюю с подножкой (не исключено, что принадлежащих разным стремянам), то полученная гипотетическая форма будет близка к типу ВIV (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.12). Аналогий этому типу Г.А.Федоров-Давыдов не приводит, но его корреляционные таблицы взаимовстречаемости вещей показывают, что данные стремяна бытовали довольно продолжительное время, возможно, даже в пределах XII-XIV вв.

Пряжка подпружная железная с прямым основанием, фиксирующей язычок, с овальной в сечении рамкой и подвижным язычком. Однако не исключено, что мы имеем дело с деформацией или окислением изделия. Датировка широкая, как минимум все Средневековье (рис.14, 7).

Кольцо железное от удила или рамка от подпружной пряжки. Поскольку сечение такое же овальное как и у вышеописанной пряжки, то велика вероятность, что это вторая пряжка с утраченным язычком (рис.14, 8).

Сабля сохранилась во фрагментах, однако можно говорить, что она была уложена в погребение в ножнах, хотя на рисунке сечение показано так, как будто бы ножен не было (рис.14, 5). Ширину клинка у основания установить по рисунку не так-то просто, поскольку складывается впечатление, что фрагменты сабли нарисованы в разных масштабах. Основание клинка вплотную к рукояти охвачено бронзовой (?) обоймой внахлест и закреплено штифтом. Рукоять едва заметно наклонена. Длину, а также участок и угол изгиба клинка из-за фрагментарности сабли установить невозможно. В связи со сказанным приводить какие-либо аналогии сабле, а, следовательно, и датировать ее нельзя. Ко всем проблемным моментам сабли остается добавить еще то, что художник неверно соединил основание сабли с фрагментами клинка, в результате чего наклон рукояти оказался смещен в сторону лезвия клинка, а должен быть в сторону обушка.

Кремень (2,1x1,5 см) и **железный фрагмент изделия**, возможно, представляют собой единый комплект – кресало (рис.14, 3, 4).

Абразив прямоугольной формы (7,6x3,8 см), сечение подтрапециевидное (рис.14, 6).

Погребальный обряд

Сказать что-либо уверенно о погребальном обряде из-за разрушенной могильной конструкции невозможно. Не исключено, что оно относительно синхронно (2-я пол. XIII в.) погребению из кургана 2, во всяком случае, инвентарь датируется в широких хронологических рамках – XII-XIV вв. Отсутствие коня и каких-либо конструктивных особенностей погребального сооружения настораживает. Возможно, эти детали погребального обряда уничтожены во время раскопок землеройной техникой.

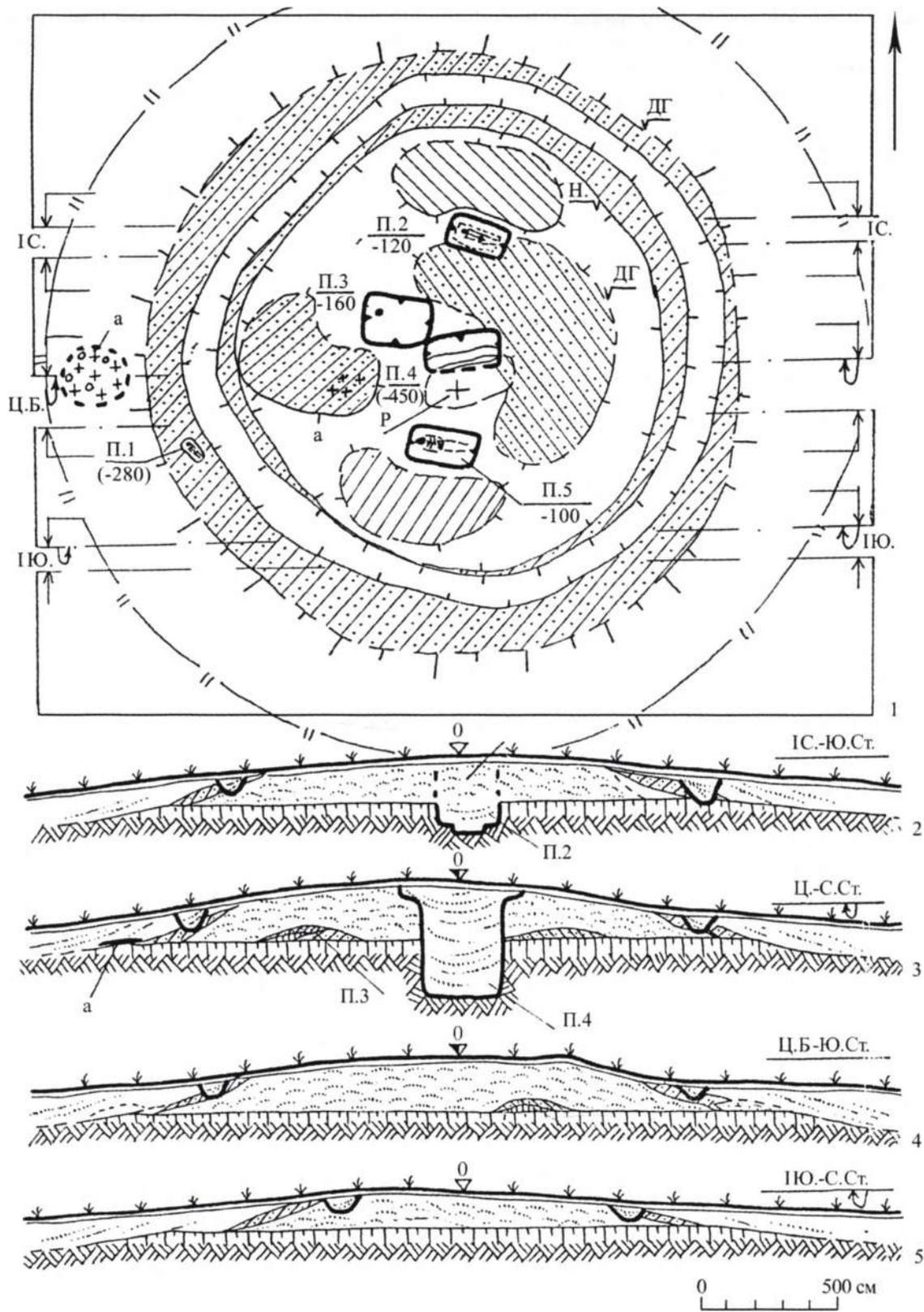

Рис. 3. Мирное, к.2. Общий план и стратиграфия бровок.
 Fig. 3. Mirnoie, barrow 2. The general layout and stratigraphy of the edges

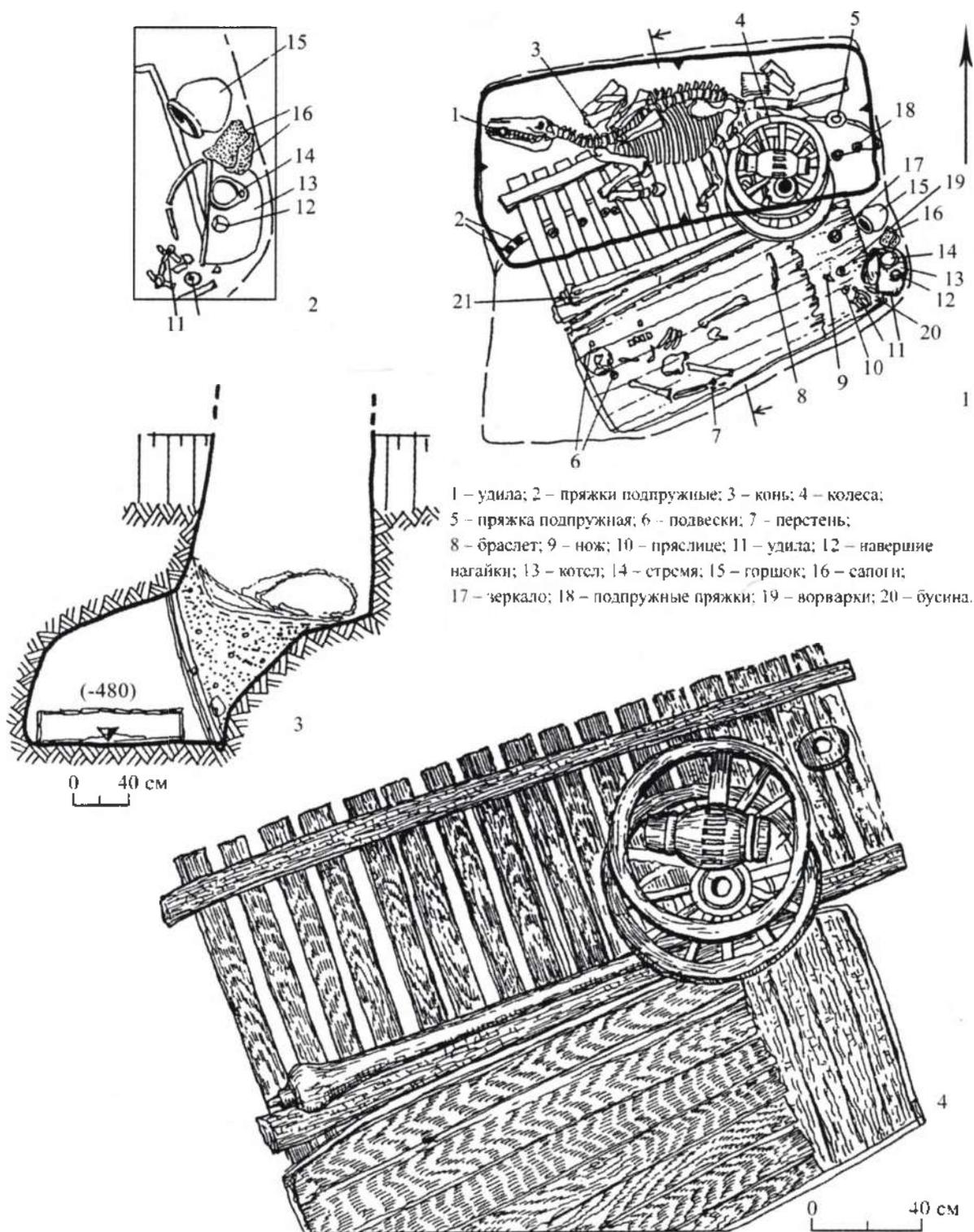

Рис. 4. Мирное, к.2, п.4: 1 – план погребения; 2 – выноска из плана погребения; 3 – разрез погребения; 4 – повозка.

Fig. 4. Mirmoie, barrow 2, burial 4: 1 – the burial layout; 2 – a detail of the burial layout; 3 – a section of the burial; 4 – a horse-drawn vehicle

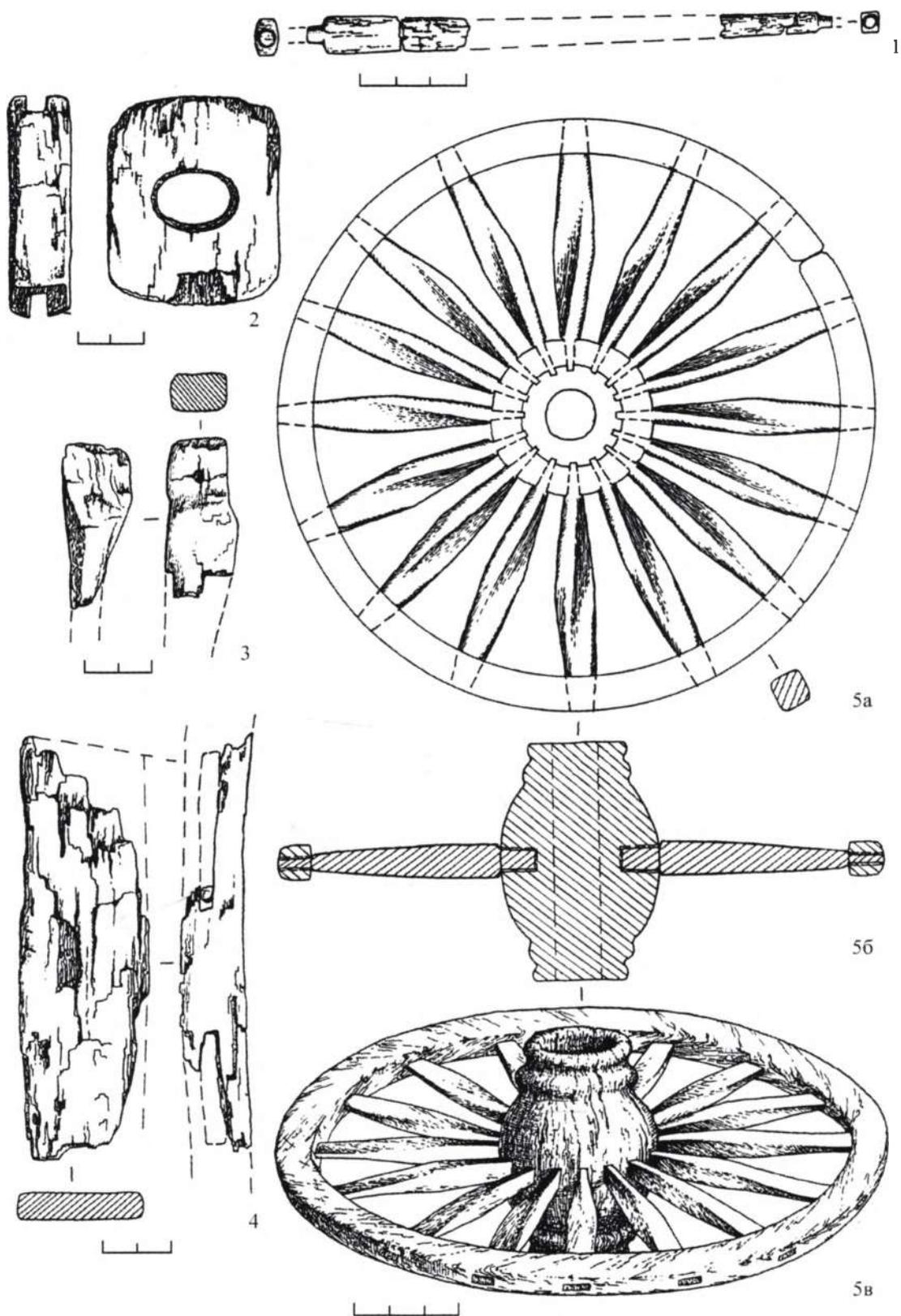

Рис. 5. Мирное, к.2, п.4: 1 – тягло; 2-4 – детали арбы; 5а-5в – колесо арбы.

Fig. 5. Mirmoie, barrow 2, burial 4: 1 – a shaft; 2-4 – parts of the arba; 5a-5b – a wheel of the arba

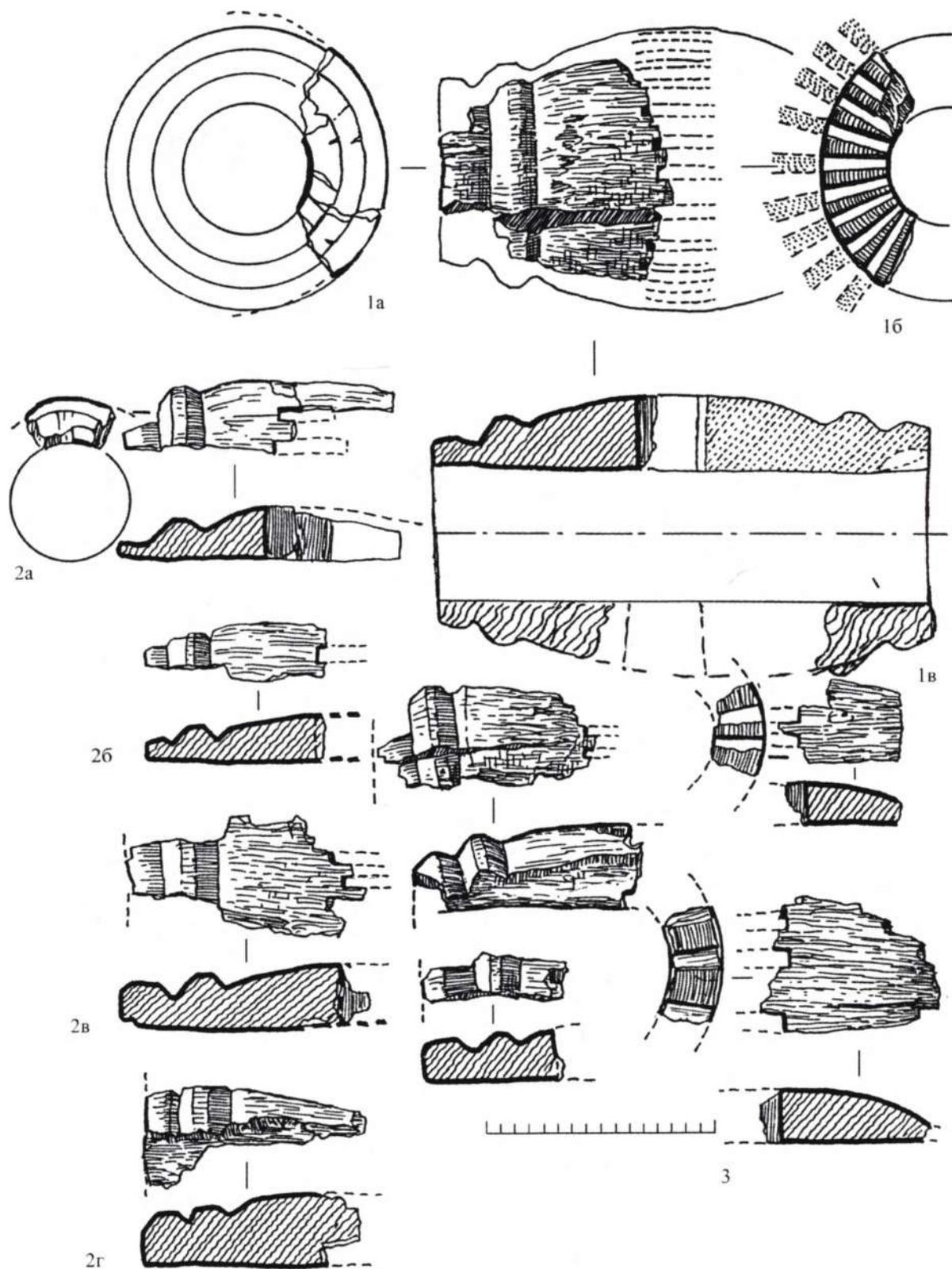

Рис. 6. Мирное, к.2, п.4: 1-3 – детали колес.

Fig. 6. Mirnoie, barrow 2, burial 4: 1-3 – details of the wheel

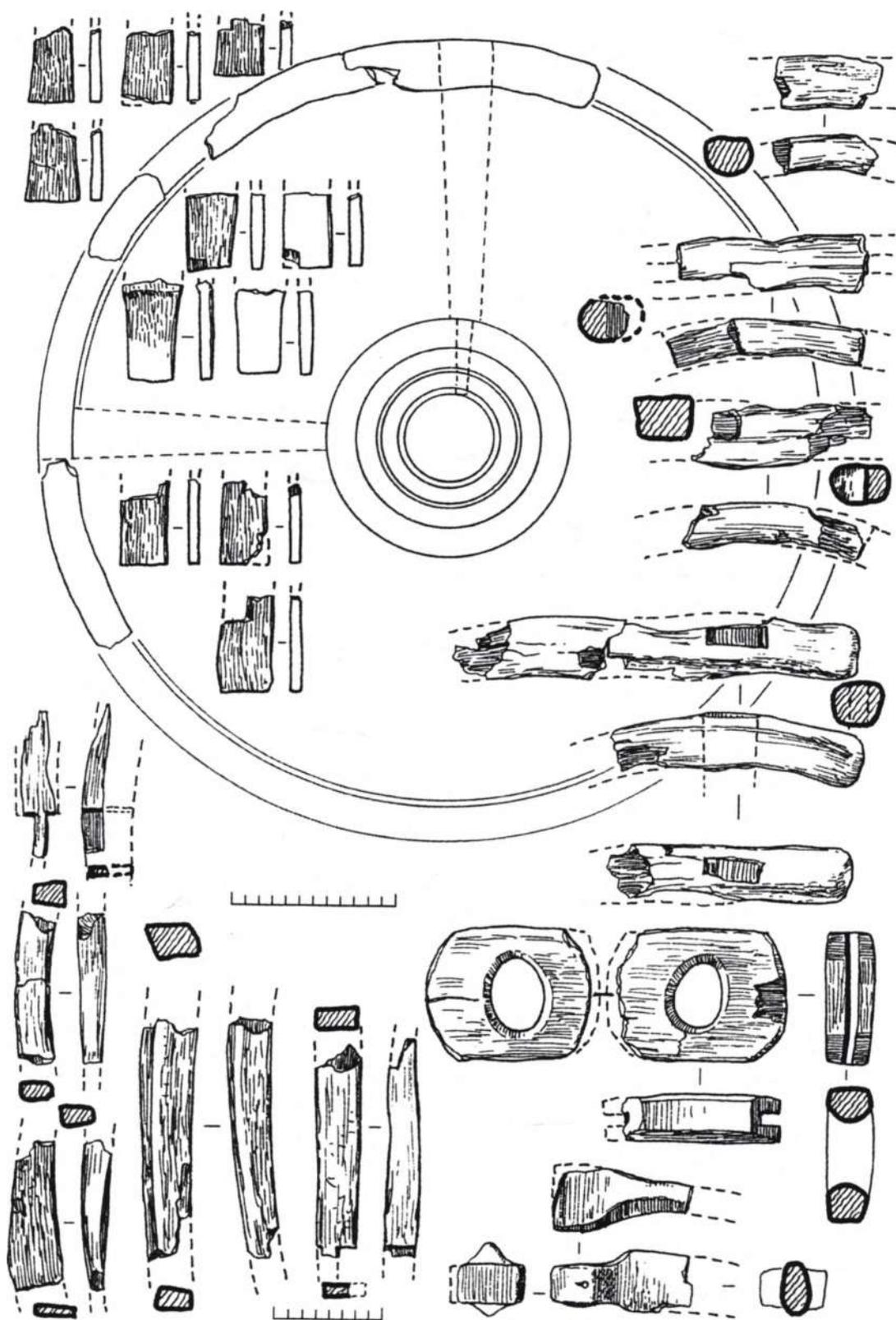

Рис. 7. Мирное, к.2, п.4. Детали колес.
 Fig. 7. Mirnoie, barrow 2, burial 4. Details of wheels

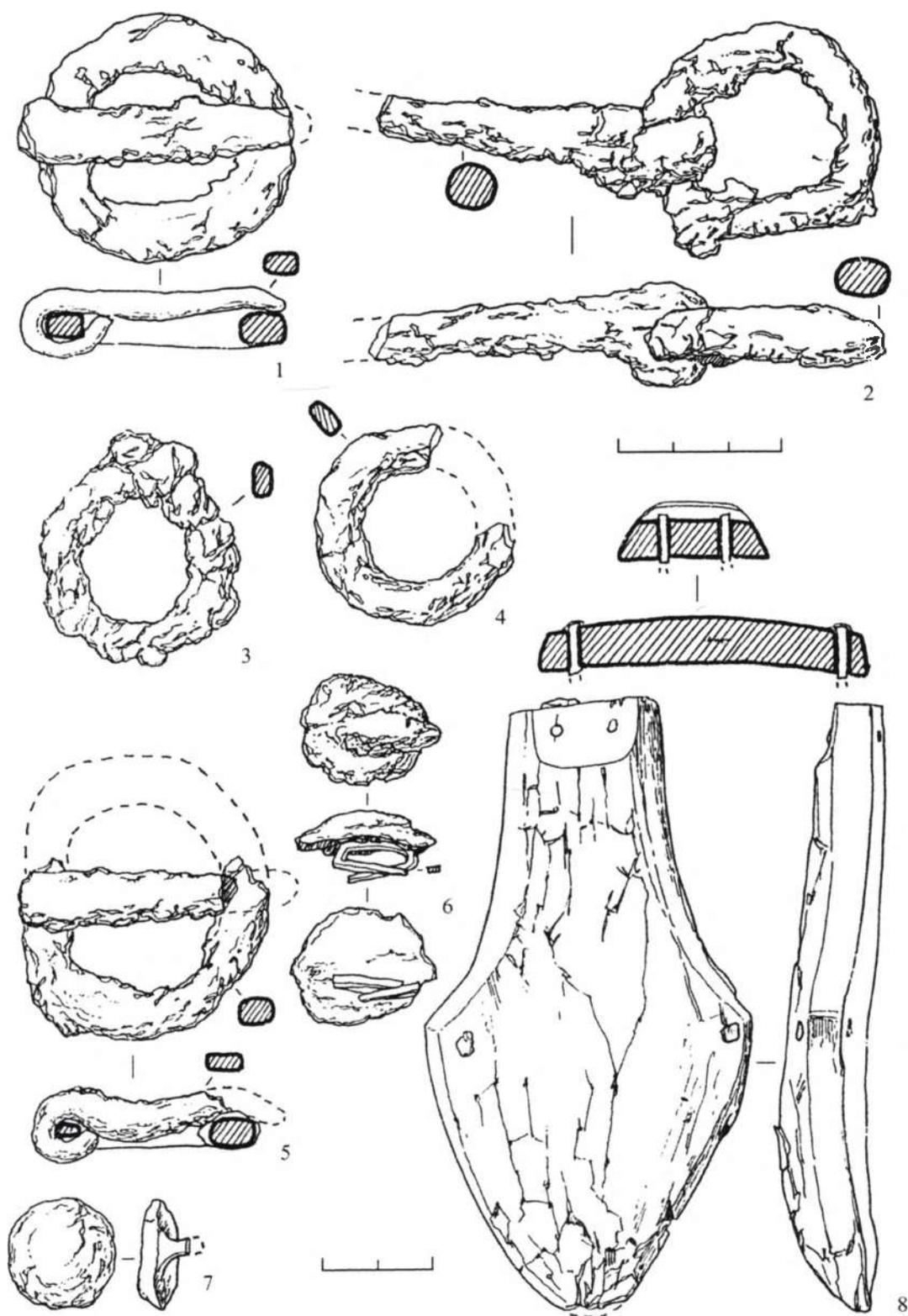

Рис. 8. Мирное, к.2, п.4: 1, 5 – пряжки подпругные железные; 2 – удила; 3, 4 – кольца железные; 6 – перстень или пряжка; 7 – заклепка (?) свинцовая (?); 8 – наносник коня.

Fig. 8. Mirnoie, barrow 2, burial 4: 1, 5 – buckles of saddle girth, iron; 2 – a bit; 3, 4 – rings, iron; 6 – a finger-ring or buckle; 7 – a rivet (?), lead (?); 8 – a horse forehead decorative plate

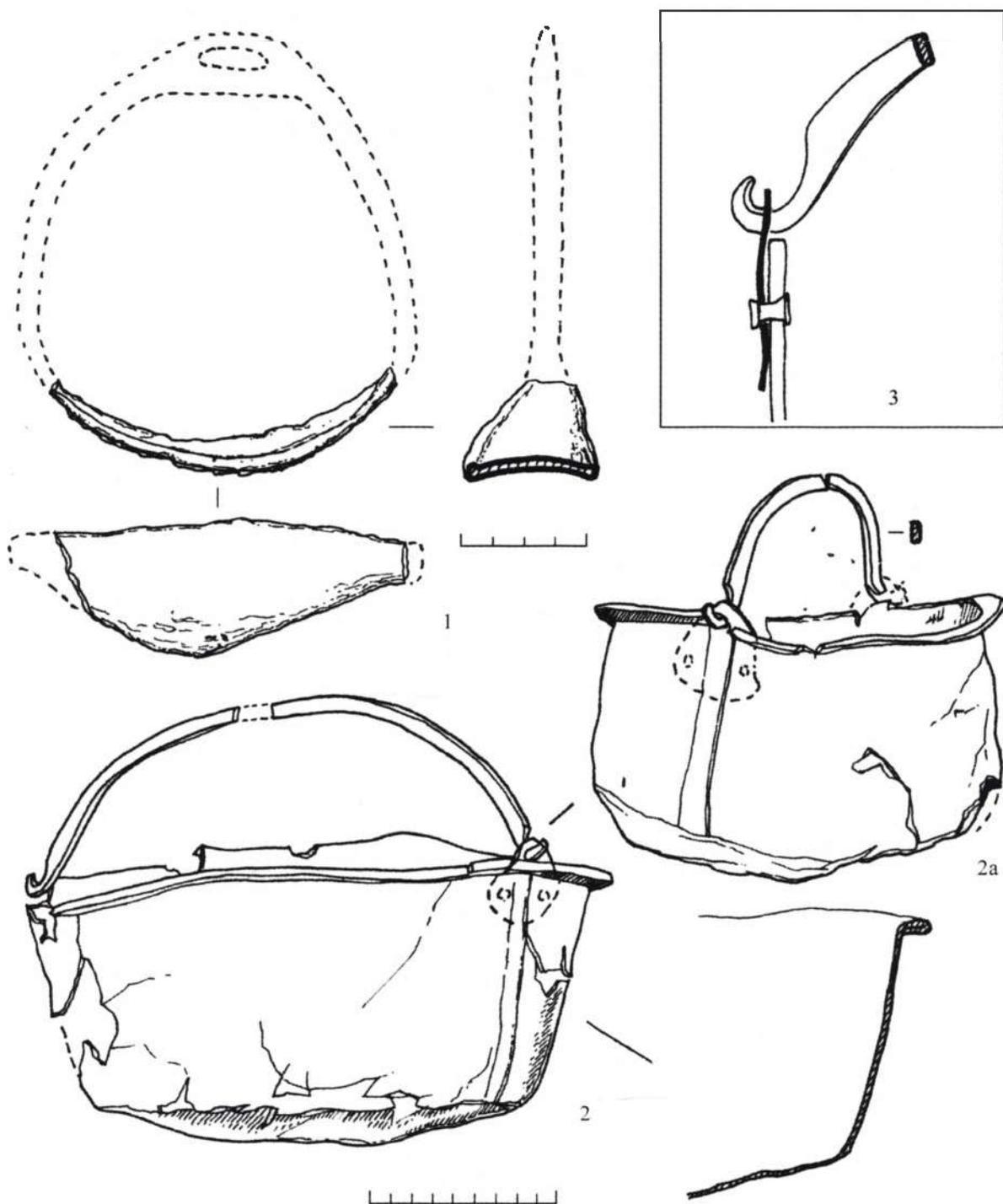

Рис. 9. Мирное, к.2, п.4: 1 – стремя, 2, 2а – котел бронзовый (медный), 3 – способ крепления ручки к котлу (реконструкция).

Fig. 9. Mirnoie, barrow 2, burial 4: 1 – a stirrup, 2, 2a – a cauldron, bronze (copper), 3 – a way of handle fastening to the cauldron (a reconstruction)

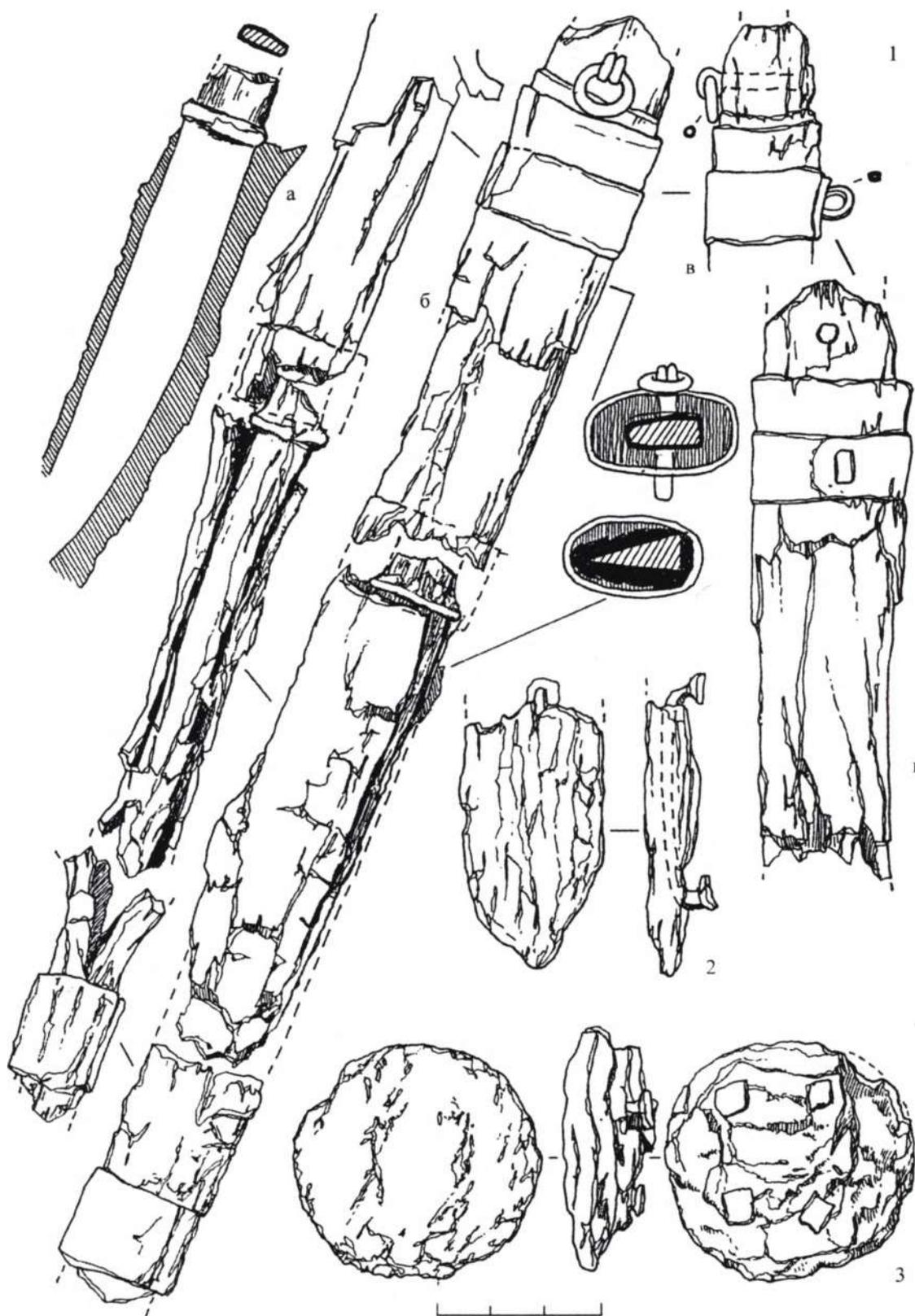

Рис. 10. Мирное, к.2, п.4: 1а-г – детали ножа; 2, 3 – бляхи (?) от конской упряжи (?).
 Fig. 10. Mirnoie, barrow 2, burial 4: 1a-g – fragments of a knife; 2, 3 – plates (?) of a horse harness (?)

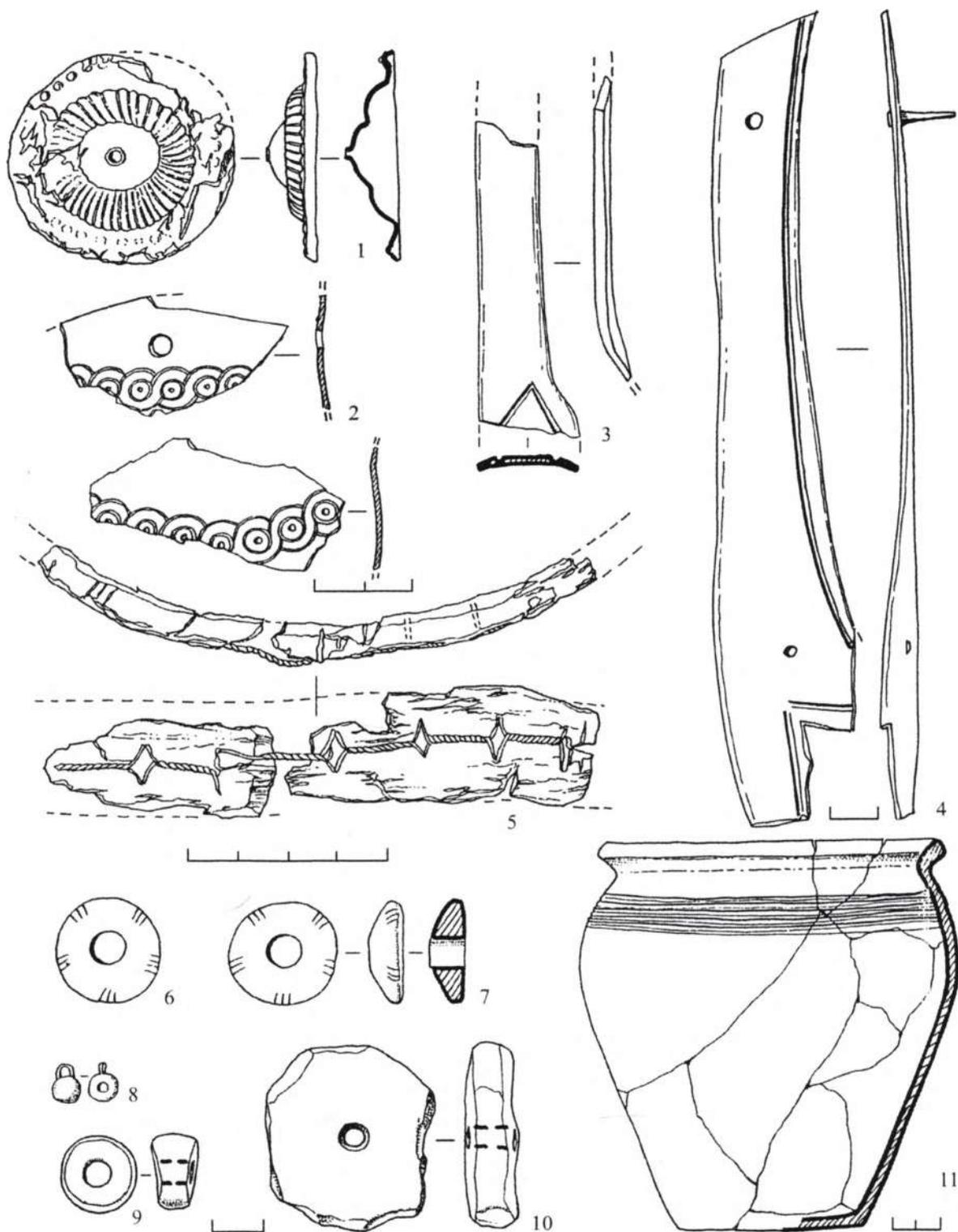

Рис. 11. Мирное, к.2, п.4: 1 – фалар (бляха); 2-4 – костяные накладки седла; 5 – фрагмент кожаных сапог; 6, 7 – ворварки костяные; 8 – застежка бронзовая; 9 – бусина (?); 10 – пряслице керамическое; 11 – гончарный горшок.

Fig. 11. Mirnoie, barrow 2, burial 4: 1 – a phalar (metal plate); 2-4 – bone overlays of a saddle; 5 – a fragment of leather boots; 6, 7 – vorvorkas, bone; 8 – fasteners, bronze; 9 – a bead (?); 10 – a spindle whorl, clay; 11 – a pot made on a potter's wheel

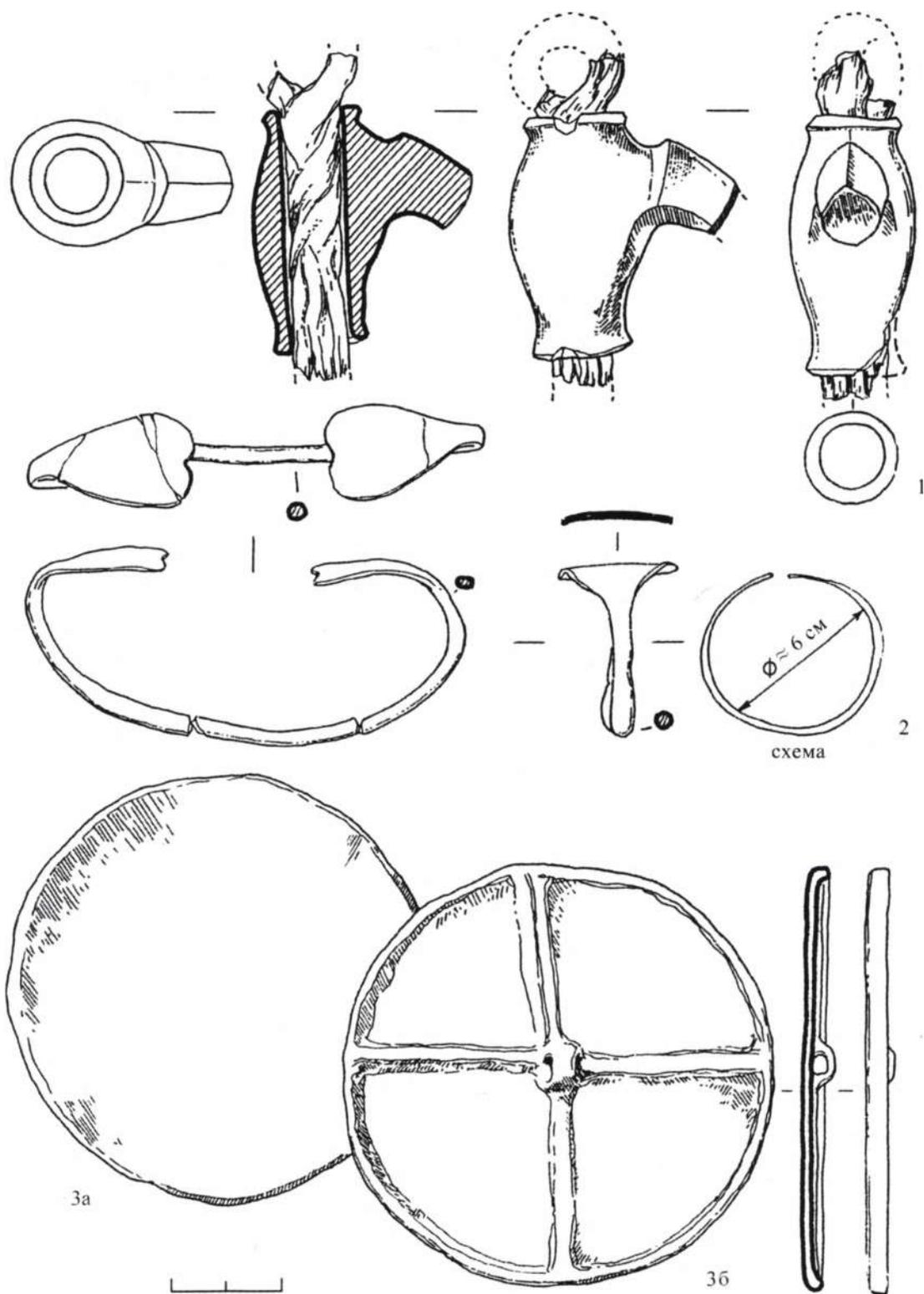

Рис. 12. Мирное, к.2, п.4: 1 – навершие плети; 2 – браслет бронзовый; 3а, 3б – зеркало бронзовое.
 Fig. 12. Mirnoie, barrow 2, burial 4: 1 – a pommel of lash; 2 – a bracelet, bronze; 3a, 3b – a mirror, bronze

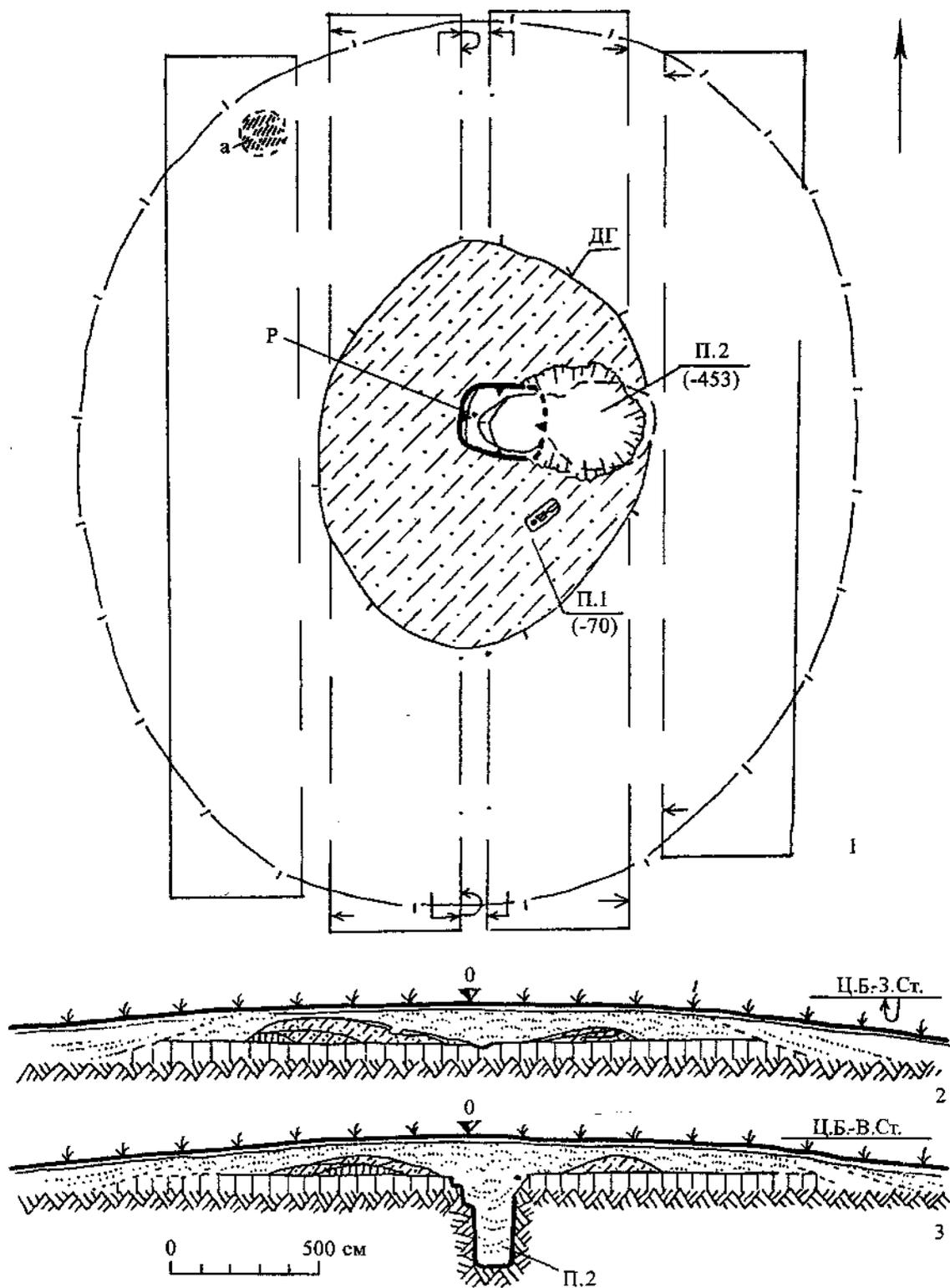

Рис. 13. Мирное, к.3. Общий план и стратиграфия бровок.
 Fig. 13. Mirnoe, barrow 3. The general layout and stratigraphy of the edges

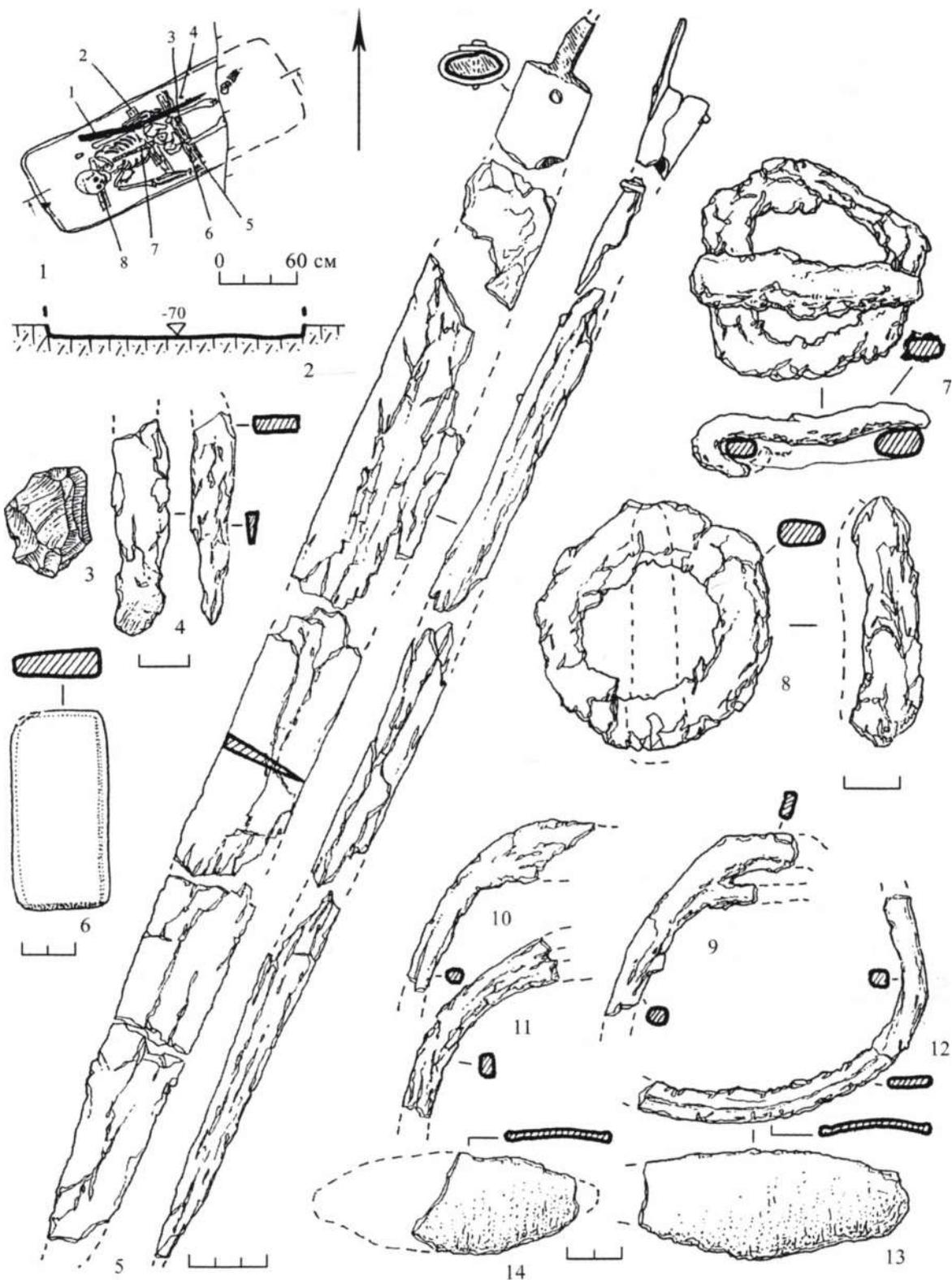

Рис. 14. Мирное, к.3, п.1: 1, 2 – план погребения; 3, 4 – кремь и кресало; 5 – сабля; 6 – оселок; 7 – пряжка железная; 8 – кольцо железное; 9-14 – фрагменты стремян.

Fig. 14. Mirnoie, barrow 3, burial 1: 1, 2 – the burial layout. 3, 4 – a flint and a fire-steel; 5 – a sabre; 6 – a whetstone; 7 – a buckle, iron; 8 – a ring, iron; 9-14 – fragments of stirrups

Литература и архивные материалы

- Евглевский А.В., Данилко Н.М., Куприй С.А., 2008.** “Рядовое” позднекочевническое погребение с нерядовым обрядом из кургана 2 группы Токовские Могилы на Правобережье Днепра// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк.
- Евглевский А.В., Кульбака В.К., 2003.** Грунтовой могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-Восточного Приазовья// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. Донецк.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1994.** Позднекочевнические погребения с керамикой древнерусского облика из Северо-Восточного Причерноморья// ДАС. Вып.5. Донецк.
- Евдокимов Г.Л., Куприй Н.М., Рычков Н.А., 1993.** Отчет Краснознаменной экспедиции исследования курганов в зоне орошения земель Херсонской обл. в 1992 году. К.
- Кирпичников А.Н., 1973.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв.// САИ. Вып. Е1-36.
- Тропин Н.А., 2006.** Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII-XV вв. Елец.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Шалобудов В.Н., Лесничий П.П., 2003.** Опыт реконструкции позднекочевнических повозок (по материалам половецких погребений Поднепровья)// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. Донецк.
- Швецов М.Л., 1980.** Котлы из погребений средневековых кочевников// СА. № 2.

Summary

N.M.Danilko, O.A.Poliakova (Kiev, Donetsk, Ukraine)

BURIALS OF LATE NOMADS FROM “MIRNOIE” BARROW GROUP

The “Mirnoie” barrow group was explored by the Krasnoznamenaskaia expedition of the Institute of Archaeology (Kiev). Eight barrows out of 11 have been excavated; two of them contained the 13th century inlet nomadic burials.

A relatively well preserved arba (bullock cart) was found in barrow 2, burial 4. Unfortunately, the anthropological data of the deceased are unknown, but judging by the grave goods the burial belongs to a female. An arba can be more often found in female than in male burials, and this tendency is of great interest. Additionally, the grave goods include a pot made on a potter’s wheel, a pommel of lash, a massive knife, bone overlays of a saddle, phalars of a horse harness, a mirror, a bronze bracelet and other objects. The burial may be dated back to the 13th century by its funerary ceremony and grave goods.

An ordinary male burial placed on a latticework with a sabre was excavated in barrow 3, burial 1. The range of attributes, i.e. the absence of a horse, the position of the skeleton and the grave goods may indicate the early Golden Horde date of the complex (the 2nd half of the 13th century).

Статья поступила в редакцию в октябре 2009 г